

отрицая антикрепостническую направленность этого цикла. Таков, например, смысл высказываний А. Дружинина и Аполлона Григорьева. Дружинин отрицал правдивую объективность «Записок охотника» и видел в них лишь «поток поэзии», который «низвергается с значительною силою» и превышает изображаемый автором мир³⁰. С Дружининым вполне солидаризировался Ап. Григорьев, который также усматривал в «Записках охотника» не правдивое изображение русской жизни, но ее одностороннюю идеализацию. Оба они отрицали и этнографическую правильность «Записок охотника», причем Ап. Григорьев в качестве примера приводил как раз фольклористические очерки этого цикла. «Что такое тургеневские рассказы охотника? — спрашивал он. — Неужели изображения действительности, какую она является свободному духу? Все они облиты одним колоритом, — все, и в особенности, например, «Певцы», «Бежин луг». Если брать их за простые изображения действительности — они выйдут совершенно фальшью (разрядка наша. — М. А.): фальшью будет и односторонняя заунывность, простирающаяся до трагизма в «Певцах», и байронический мальчик в «Бежине луге», фальшью выйдет и «Муму», как односторонняя и мрачно-колоритная идеализация типа»³¹.

В противоположность этим толкованиям, демократическая критика неизменно подчеркивала глубокий реалистический характер фольклористических очерков «Записок охотника» и сумела правильно и точно определить и их значение. С. А. Венгеров, близкий во время работы над книгой о Тургеневе кругам революционных народников³², считал крупнейшей заслугой Тургенева раскрытие поэтической стороны русского крестьянства и констатирование наличия в нем глубоких нравственных начал и идеальных стремлений³³. Еще более отчетливо раскрывал принципиальное значение этих очерков критик «Дела» (1881). «Главный аргумент всех защитников рабства, на который они ссылались со времен Аристотеля и который зиждется на убеждении в неравенстве природы господина и раба, — писал он, — этот аргумент был потрясен и поколеблен в своем основании»³⁴. Это имело, как правильно указал Н. Л. Бродский, революционизирующее значение для своего времени³⁵.

Однако господствовавшее в дореволюционном тургеневедении либерально-буржуазное направление усвоило и усиленно пропагандировало воззрения Анненкова и Ап. Григорьева. Крупнейший представитель его, П. Н. Сакулин, видел в «Певцах» исключительно опозитизирование народа «не без налета» романтизма³⁶. Ряд критиков и исследователей полагали, что «Певцы» вообще не связаны с проблемой крепостного права и стоят в стороне от общего направления и замысла «Записок охотника».

Критика же, шедшая из реакционного лагеря, выступила с требованием полного пересмотра вопроса об общественном значении «Записок охотника». Почин принадлежал В. Буренину, который, вскоре же после смерти Тургенева, выступил с утверждением, что пафос «Записок охотника» заключается не в протесте и не в борьбе с крепостным началом, а лишь в «поэтическом изображении русской сельской природы и жизни»³⁷.

³⁰ А. Г. Дружинин, Полное собр. соч., т. VII, СПб., 1865, стр. 320—321.

³¹ Аполлон Григорьев, Соч., т. 1, СПб., 1876, стр. 347.

³² «Большая советская энциклопедия», 2-е изд., т. 7, М., 1951, стр. 358.

³³ С. А. Венгеров, Русская литература в ее современных представителях, ч. 1. И. С. Тургенев, СПб., 1875, стр. 176—177.

³⁴ Ф. Б.-ъ, Мужик с точки зрения людей 40-х годов, «Дело», 1881, № 6, стр. 31.

³⁵ И. С. Тургенев, в Избр. произв., редакция текста и примечания Н. Л. Бродского, М., 1946, стр. 563.

³⁶ П. Н. Сакулин, На грани двух культур, М., 1918, стр. 52.

³⁷ В. Буренин, Литературная деятельность Тургенева, СПб., 1884, стр. 32—49. В еще более резкой и категорической форме это суждение выражено в мемуарах ближайшего сотрудника Каткова — Е. М. Феоктистова («Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы», 1848—1896, редакция и примечания Ю. Г. Оксмана, вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана, Л., 1929, стр.